

I

Новое начало

Жизнь Омарейл была практически лишена потрясений — если, конечно, не считать дня рождения, когда было сделано предсказание, запрещающее ей покидать свою комнату и встречаться с людьми. Все было тихо и спокойно до того момента, как она решила сбежать из Лебединой башни, а затем пойти учиться в школу.

С тех пор с ней постоянно что-то приключалось. И, если уж говорить откровенно, ей это нравилось. После того как Омарейл провела двадцать два года в заточении, ее будни наконец заиграли яркими красками.

Правда, некоторые повороты судьбы заставляли кровь стыть в жилах. Но затем эмоции утихали, и она чувствовала прилив сил.

Вот и теперь, услышав, что все, определявшее когда-то ее существование, было ложью, фарсом, выдумкой одной эгоистичной женщины, Омарейл загоревала. Но разговор с Нортон Дарритом придал ей сил, а двухчасовая прогулка по лесу в одиночестве вернула присутствие духа.

Она понимала: и думать нечего о возвращении в Орделион — Сова убедит всех запереть принцессу, не позволит той воспользоваться даром эксплета, сама же будет внушать всем то, что выгодно.

Встретиться с Королем и Королевой втайне от госпожи Дольвейн было бы сложно, но возможно. Однако любое вмешательство этой женщины после разговора могло бы свести намерения Омарейл на нет. Возвращаться в Астрар следовало только с подготовленным планом.

— Совет, — выдохнула она, едва встретившись с Дарритом, который тоже размышлял в одиночестве.

Он кивнул и добавил:

— Нужно говорить с каждым отдельно.

Ее губы дрогнули в подобии улыбки. Омарейл не успела понять, что вызвало в ней чувство умиротворения: то, что она оказалась достаточно умна, чтобы прийти к тем же выводам, что и Даррит? То, что их мысли сошлись и это было знаком единения, командного духа? Или то, что ей ни в чем не нужно было убеждать его? Она услышала голос Пилигрима за спиной прежде, чем успела проанализировать свои эмоции:

— Завтра придет повозка из Лондрара. Если хотите, можете ехать со мной.

Омарейл обернулась. Рядом с мужчиной стоял замерзший Май. Чуть поодаль, сложив руки на груди, притопывала ногой Буря. Омарейл понимала: ей стоило быстро принять решение, как поступить. Была ли ей нужна помощь этих людей?

— Значит, сегодня останемся у Мраморного человека, — кивнув, сказала она. — Только не знаю, как мы все уместимся...

— Конечно, оставайтесь на ночь, — произнес Эддарион, стоило им только войти в дом. — За место для ночлега не беспокойтесь. Во дворе есть прекрасный сарай с мягким сеновалом. Он примыкает к печке, так что будет тепло.

Омарейл медленно перевела взгляд на Даррита. Она никогда не была заложницей своих королевских привычек, ей был интересен быт простых людей. Но спать на сеновале? В сарае? Это никогда не пришло бы ей в голову.

Впрочем, остальные восприняли эту новость с полным равнодушием, и она решила никак не комментировать гостеприимство Мраморного человека. Вместо этого, поужинав предложенной яичницей, она поднялась и спросила:

— Эддарион, не покажете ли, где у вас сеновал?

— Выйдешь на улицу, обогни дом слева. Там увидишь черную дверь.

Принцесса серьезно кивнула и сказала:

— Норт, пойдем со мной, пожалуйста.

Май прыснул от смеха, Пилигрим и Буря ухмыльну-

лись. Омарейл поняла, что смеялись над ней, поэтому сердито спросила:

— Что?

Но остальные лишь закачали головами. Даррит посмотрел сурово, как, бывало, смотрел на учеников, сказавших глупость на уроке, а затем встал и вышел.

— Почему все смеялись? — уточнила Омарейл, когда они оказались на улице.

— Сеновал — излюбленное место для свиданий у влюбленных пар, — пояснил он сухо.

Стараясь не краснеть, она протянула: «М-м-м», и открыла хлипкую деревянную дверь, ведущую в сарай. Ей было не до глупостей.

Помещение, пристроенное к задней стене дома, оказалось довольно просторным. Справа за деревянной решеткой прятался небольшой курятник с белыми наседками. За ними в стойле трясла короткой бородой молочного цвета коза. Большие стога сена собрались у беленой стены, которая и вправду являлась частью печи. Весь сарай казался хилым, выстроенным из тонких стволов молодых деревьев, с большими щелями и прорехами. Спать в тепле возможно было только у самой печи.

Омарейл аккуратно опустилась на сено, прижалась спиной к стене и, почувствовав приятный жар, глубоко вздохнула. Пахло здесь необычно: сухой терпкий аромат высушенной травы смешивался с менее приятными запахами из курятника и козьего стойла, но в целом — вероятно, благодаря прорехам в стенах — дышалось легко.

Даррит же неспешно прогуливался взад-вперед, сцепив за спиной руки в замок.

— У меня появилась идея, как мы могли бы выиграть немного времени, — заявила принцесса.

Ее собеседник вопросительно поднял бровь.

— Мы отправим моим родителям письмо, в котором попросим держать меня «больной» хотя бы до свадьбы Севастьяны. Думаю, сейчас они находятся в растерянности. Не знают, что делать, где меня искать. Если сказать им, что все в порядке, им будет легче противостоять Сове. В противном случае она просто сыграет на их неуверенности, да и мы будем находиться в подвешенном состоянии, не зная, чего ожидать от дворца.

Она сказала «от дворца» — так часто говорил Бериот, когда речь шла о действиях Короля. Омарейл не привыкла использовать такие слова, но почему-то в этой ситуации они показались подходящими.

— Идея здравая, — согласился Даррит.

Она расплылась в улыбке:

— Видишь, не только ты здесь способен думать.

— Очевидно, — кивнул он, а затем продолжил: — Потому что от моего внутреннего ока укрылся способ, которым мы могли бы незаметно для всех передать письменное послание Его Величеству. Насколько я знаю, все сообщения, адресованные Королю, проверяются специальной службой... Но у вас, судя по довольно блестящим глазам, есть план.

Она кивнула.

— Мы отправим с посланием в Астрар Мая.

— В таком случае...

— Да, придется ему все рассказать.

— Это крайне рискованно.

— Я ему полностью доверяю.

Даррит прижался спиной к хлипкой стене сарая и откинул голову. Глядя на Омарейл из-под опущенных ресниц, он устало спросил:

— Как вы можете оставаться столь наивной? Вы никому не должны доверять.

— Я же сказала правду тебе, человеку, которого едва знала, — отозвалась принцесса.

— И это было неосторожно, опасно и безрассудно. И все еще неизвестно, к чему приведет.

Омарейл закатила глаза:

— Я уверена, что поступила правильно. Так же как и сейчас убеждена, что мы можем доверять Маю. Когда он узнает правду, то сделает все, чтобы доставить мое письмо. Никто не справится лучше.

Даррит раздраженно вздохнул, крылья его носа затрепетали, выдавая недовольство.

— Когда я сказал, что это опасно, то имел в виду, опасно для господина Джоя. Я чувствую некий груз ответственности за его благополучие, коль скоро он посчитал нужным сообщить отцу, что отправляется в экспедицию со мной. Вы представляете, что может случиться с ним, если его поймают?

— Конечно, я понимаю, — всплеснув руками, ответила она. — Только ты отвечаешь перед отцом Мая, а я отвечаю перед страной. Сейчас от нас зависит будущее всего народа.

— Будущее, которое вы лично поставили под угрозу, — прошипел Даррит. — А теперь предлагаете рисковать вашим приятелем, чтобы исправить ваши же ошибки?

Это было неприятно. То, что он вдруг принял роль обвинителя, больно резануло по ее самолюбию. И совести.

Ей хотелось вскочить на ноги и гордо покинуть сарай, желательно громко хлопнув дверью. Но страх остаться один на один со своей проблемой, а также отсутствие приличной двери, сдерживали ее.

— Катись в бездну, Норт Даррит, — ответила она и, тяжело дыша, отвернулась.

Какое-то время царила тишина.

— Хватит сопеть, как обиженный хорек, — наконец произнес ее собеседник с досадой. — Будьте разумны. Пилигрим подошел бы на эту роль куда лучше.

— Пилигрим! Ты, должно быть, шутишь? Он даже Бурю предал, но остался верен делу, а у них явно все было не так просто. Меня он сдаст сразу.

Даррит несколько секунд выжидательно смотрел на Омарейл, но, когда она никак не пояснила свой выпад, не без язвительности уточнил:

— Верен делу?

— Ах, да, ты же не знаешь. Он — агент королевской гвардии.

Даррит резко оттолкнулся от стены и навис над напуганной такой внезапной реакцией девушкой.

— Агент королевской гвардии? — процедил он, а затем в полном отчаянии запустил руку в густые черные волосы.

Омарейл чуть дернула плечом.

— Я не думаю, что он опасен для нас, пока ничего не знает...

— Он давал присягу Королю! — громким шепотом воскликнул Даррит, что было ему совершенно несвойственно. — Вы хоть представляете, что будет, если он узнает, кто вы? Эти люди, они... Об их верности слагают легенды.

Он вдохнул, выдохнул и после долгой паузы спокойно, только слегка напряженно, продолжил:

— Вы знаете, какой девиз у гвардейцев? «Верность, Страна, Порядок», — Норт многозначительно повел бровями. — Первая строка их официального гимна «Верны до смерти». И это не просто слова, они живут по этим законам.

Он начал ходить из стороны в сторону, и по движению его губ Омарейл поняла, что Даррит снова вел беседу с самим собой.

— Оставить вас наедине? — с издевкой бросила она, но он никак не отреагировал.

— Это очень плохие новости, — сказал наконец он, остановившись, — я буду присматривать за ним. Но о Буре и думать нечего, она за тяжелый кошелек отрежет себе руку. У нас действительно не остается другой кандидатуры, кроме господина Джоя... Мне все это очень не нравится...

— Ах, ну отчего же! — не выдержала принцесса. — Такая дивная поездка.

— Но на наш общий план это никак не влияет, — заметил он, полностью игнорируя сарказм Омарейл.

— Кстати, о плане, — поддержала она. — Все Патеры собираются раз в месяц в Астраре, мы могли бы попытаться встретиться с ними там.

Даррит покачал головой:

— Слишком мало времени. Это будет не пятиминутная беседа за бокалом эля.

Она задумчиво закусил губу.

Совет Девяти — совет, состоящий из Патеров девяти самых крупных городов Ордора, — обладал правом принятия важных решений со статусом закона, вплоть до отмены распоряжений Короля.

При любом развитии событий поддержка монарха не имела бы в глазах жителей королевства никакого веса. Эйгир Доминасолис защищал бы Омарейл, как отец — дочь. Другое дело — решение Совета. С ним бы спорить не стали.

Омарейл долго думала о том, как выйти сухой из воды, и пришла к выводу, что помочь ей могло только официальное заявление Совета Девяти. Такое важное

решение, как признание предсказания недействительным, должно было быть принято только единогласно. А значит, следовало убедить каждого Патера, чтобы он проголосовал «за».

Любой раскол в Совете мог привести к той самой гражданской войне. И пускай Даррит считал, что у принцессы были шансы победить, кровопролитие было последним, чему Омареил хотела бы стать причиной.

— Ты предлагаешь встретиться с каждым Патером в его городе? — уточнила принцесса.

Даррит кивнул.

— Это ведь так долго. Перемещения займут много времени, — она многозначительно подняла брови. — Ты не сумеешь вернуться в школу к концу недели.

— Прекрасно, что вы сохраняете способность шутить. — Он чуть помолчал. — Если мы действительно выиграем время до свадьбы принцессы Севастьяны, у нас будет возможность посетить каждый из девяти городов.

Он чуть помолчал.

Все это казалось неподъемной задачей — многое могло пойти не так. И все же... Омареил никогда не чувствовала в себе столько энергии и желания действовать.

Размышляя о грядущем, она так долго смотрела на Даррита, что тот не сумел изобразить безразличие и произнес:

— В чем дело?

И принцесса, очнувшись, расплылась в ехидной улыбке:

— Что, Норт, каково это, когда не можешь почувствовать, что в душе у собеседника? — спросила она насмешливо.

Они отправились в путь сразу после завтрака. Повозка увозила Омареил все дальше от дома Мраморного человека. Верный своим словам, он не дал ей напоследок никаких советов насчет Совы или борьбы за трон. Зато сказал:

— Ты способна на большее, чем думаешь. Вспоминай об этом, когда будет особенно трудно.

Омареил была бы рада вооружиться чем-нибудь посерьезнее, чем уверения в силе ее духа, но пришлось довольствоваться этим.

Даррит сидел рядом с Омарейл и, как обычно, молчал всю дорогу. Рядом с кучером в этот раз разместилась Буря, заявившая, что не вынесет «очередной тряски в этом спичечном коробке».

Путешествие к Лондрару действительно оказалось утомительным. Омарейл укачало, и уже ближе к концу дороги она уснула.

Проснулась принцесса, когда повозка подпрыгнула из-за небольшой выбоины на дороге. Она огляделась. Даррит и Май спали, а вот Пилигрим, поджав губы, смотрел Омарейл прямо в глаза.

— Что-то не так? — тихо спросила она.

— Зачем вам потребовались услуги Смога летом? — ответил он вопросом.

Это застало Омарейл врасплох, но она быстро взяла себя в руки.

— Зачем они обычно нужны? — она пожала плечами, стараясь выглядеть безразличной.

Он чуть наклонился вперед, исподлобья пронизывая ее подозрительным взглядом.

— Редко для чего-то пристойного.

— Все так относительно, Пилигрим. Например, обмануть женщину, которая тебе доверяла, это низкий поступок.

Ее собеседник вопросительно поднял бровь. Омарейл же наклонилась чуть вперед, теперь они с Пилигримом сидели почти нос к носу.

— А раскрыть шайку пиратов — казалось бы, благородный. Но что, если речь идет об одном и том же?

Он утробно зарычал, а затем процедил сквозь зубы:

— У меня на этот счет сомнений нет, глупая девчонка. Преступники должны представлять перед справедливым судом и нести наказание.

— Но Буря на свободе... Как же вы это допустили?

— Никому из нас не чужды слабости. Не так ли, Даррит?

Она вздрогнула и обернулась, чтобы посмотреть туда, куда Пилигрим так неожиданно устремил свой злой и полный неприкрытой издевки взгляд. Даррит ответил безучастным выражением лица и продолжил сидеть, откинувшись назад и скрестив руки на груди.

— Не знаю, о чем вы двое там толкуете, — отозвался он чуть хриплым со сна голосом.

— О том, что ты знаешь ее историю, — совсем тихо ответил Пилигрим, резко указав пальцем на Омарейл. — И я уверен, в ней немало темных страниц. Однако ты возишься с девчонкой, как с принцессой...

Он осекся, в его глазах вдруг появилось понимание. Это напугало Омарейл, но она не знала, что сказать, поэтому ждала помощи от Даррита. Тот ответил не сразу, и голос его звучал чуть насмешливо:

— Полагаю, от принцессы мы могли бы ожидать большего изящества в словах и делах.

Омарейл издала нервный смешок и наконец осмелилась взглянуть на Пилигрима. Тот был бел как мел, и она почувствовала ком в горле. Взгляд мужчины медленно переместился с ее лица на солнцевидную застежку плаща.

— Мне нужен был Смог, чтобы попасть в Астардар, — произнесла она напряженно, пытаясь отвлечь Пилигрима.

— Неужели? А обычный способ тебе чем не угодил?

— Семейные обстоятельства, — с легким раздражением ответила она.

— Пилигрим, — позвал его Даррит, определенно пытаясь встретиться с гвардейцем взглядом и внушить тому нужные эмоции.

Но тот лишь упрямо уставился в бесконечную пустошь за окном.

Тут повозка остановилась. Гвардеец вышел первым. Май, проснувшись, начал нерасторопно натягивать лежащий на коленях сюртук, завязывать шнурки на ботинках и всячески приводить себя в порядок. Ничего путного из этого не вышло: волосы так и остались небрежной гривой, несколько слоев одежды торчали один из-под другого, а порядком отросшая щетина на подбородке придавала ему совсем запущенный вид.

Наконец они выбрались из повозки, и Омарейл огляделась.

— Где он? — спросила она, испуганно схватив Даррита за руку.

На вопрос ответила Буря, подошедшая к ним. Она указала в сторону реки, которую совсем недавно они пере-

секали вброд. Там, не жалея лошади, по ветхому мосту быстро скакал всадник. Благодаря длинному кожаному плащу, который развевался за спиной у мужчины, Омарейл сразу понял, что это был Пилигрим.

— Проклятье, в чем дело? — недоуменно спросил Май, который последним выбрался из повозки.

— Это твой возлюбленный Пилигрим, — со злобной усмешкой ответила Буря, — не совсем тот герой, каким ты себе его воображал, а?

Май насупился.

— Ну не попрощался человек, чего такого... — пробормотал он.

Омарейл же напряженно посмотрела в глаза Дарриту. Он успокаивающе похлопал ее по ладони, которая все еще стискивала его рукав.

— Он не знает о наших планах, — прошептал Даррит, пока они шли к постоялому двору. — Не думаю, что он представляет опасность.

Она кивнула, ни капли не успокоившись, а затем спросила:

— Когда мы ему скажем? — и кивнула в сторону Мая.

— Сегодня.

Омарейл нервно сглотнула. Пока ее секрет знали только они с Дарритом, это казалось чем-то камерным и тайным. Рассказать правду другу — очень серьезный шаг. Но Май был им нужен.

Пообедав в таверне постоялого двора, Омарейл перекинулась парой слов с Бурей, сообщив, что им еще будут нужны услуги перевозчика. Затем, вопросительно взглянув на Даррита и получив короткий кивок, она предложила им с Маем прогуляться.

Все трое направились в сторону леса. Побег Пилигрима заставил Омарейл нервничать, и теперь она постоянно оглядывалась.

— Вы что, решили прикончить меня? — неловко пошутил Май, заметив беспокойство подруги. Вопрос остался без ответа. Наконец Омарейл сочла, что они ушли достаточно далеко, и предложила остановиться.

Даррит поджал губы и, сложив руки на груди, оперся спиной о широкий ствол старого дерева. Принцесса начала рассказывать из стороны в сторону.

Отчего же с таким трудом давались слова? Вероятно, она боялась увидеть осуждение на лице Мая. Ей не хотелось разочаровать друга и потерять его. И все же следовало сказать то, что она намеревалась:

— Ты должен кое-что знать обо мне, Май. Кое-что важное.

Глаза его возбужденно загорелись. Конечно, он понимал, что у этой девушки было немало тайн, и жаждал узнать хотя бы одну.

— А именно: мое имя.

Повисла пауза. Омарейл молчала уже с полминуты, когда Май уточнил:

— Ты что, забыла его?

— Нет, просто это трудно, — процедила она. — Я делаю это не каждый день.

Глубоко вздохнув, Омарейл попыталась еще раз:

— В общем, мое имя...

Переминаясь с ноги на ногу, принцесса прочистила горло.

— Мое имя...

— У нас есть всего три месяца до свадьбы вашей сестры, — напомнил вдруг Даррит.

Омарейл сжала зубы.

— Так что же у тебя за волшебное имя, которое так трудно произнести? — шутливым тоном спросил Май.

— Омарейл, — бросила она не без язвительности и изобразила шутливый реверанс. — Омарейл Эйгир Доминасолис. Дочь Афлейн, наследница престола, будущая Королева Ордора.

Май изумленно открыл рот. Несколько секунд он смотрел на нее, выпучив глаза, а затем наконец прохрипел:

— Сожри. Меня. Каракатица.

Она невольно хмыкнула.

— Ты, мать твою, принцесса! — последнее слово он произнес так громко, что оно эхом разнеслось по лесу.

— Это, может быть, ускользнуло от твоего внимания, но я пытаюсь сохранить сей факт в тайне, — прошипела она.

Но на Мая сейчас не действовали никакие слова. Он начал ходить вокруг девушки, разглядывая так, будто видел впервые.